

Малютка Брауни жил в большом доме под названием Хилтон-Холл.

— Пойдите, а кто это — Брауни? — спросите вы.

Брауни — так называют в Англии домовых. Похожи они скорее всего на малюсеньких смешных человечков и бывают довольно симпатичные, но ужасно капризные. Если им вздумается, они выполнят за вас всю домашнюю работу, а нет, так только напроказят.

Рассказывают, что был в Корнуэлле один Брауни, который мог за ночь намолотить зерна больше, чем сам хозяин за целую неделю. Но брался за работу этот Брауни, только если ему не забывали оставить на ночь большую миску свежих сливок.

А еще один Брауни — весьма знаменитый, по имени Робин Гуд, — был отчаянный озорник и большой любитель всяких проделок. Например, он любил подкрасться к какой-нибудь почтенной леди за столом и незаметно выплеснуть весь эль, который она только собиралась выпить. А то делал и похуже: отпирал конюшню и выпускал на волю всех лошадей.

Но Брауни из Хилтон-Холла не был таким отчаянным проказником, как этот Робин Гуд, правда, он не был и таким добродетельным, как корнуэллский Брауни. Все у него зависело от настроения.

Когда он бывал не в духе, то не успеют в доме все уснуть, он уж тут как тут и времени зря не теряет: в сахарницы насыплет перцу, в пиво — соли, золой забросает огонь в очаге, который нарочно оставили гореть на всю ночь, да еще расплескает чистую воду, приготовленную на утро.

Ну, а если он бывал в хорошем настроении — к счастью, это случалось чаще, — то пока служанки спали, он подметал за них все комнаты, чистил очаг, разводил яркий огонь, прибирал все в кухне: скреб горшки, перетирал тарелки, мыл, скоблил, пока все в кухне не засверкает и не заблестит.

Охотней всего Брауни делал это, когда служанки оставляли ему на ночь миску со сливками или ломоть хлеба с медом.

И вот случилось однажды, что служанки засиделись допоздна, рассказывая друг другу страшные истории. И когда две самые молодые из них — помощница кухарки и горничная — отправились наконец спать, то, поднимаясь со свечой по лестнице, они вдруг услышали в кухне легкий шум.

Что, если это Брауни? — подумали девушки.

А надо вам сказать, что Брауни никто еще никогда не видел — они не очень-то любят людям на глаза показываться, — и девушкам страсть как захотелось на него взглянуть. Вот они спустились потихоньку с лестницы, подкрались к кухонной двери и, набравшись храбрости, приоткрыли ее.

Так и есть! В кухне оказался малютка Брауни. И как вы думаете, что делал этот бесенок? Сидел верхом на крюке от длинной цепи, ввинченной в потолок, на которой подвешивают над очагом горшки, и качался как на качелях.

Качался и напевал:

О горе мне, горе!

Не упал еще в землю желудь,
 Что поднимется в небо дубом,
 Что пойдет на зыбкую люльку,
 Что будет качать ребенка,
 Что станет потом мужчиной,
 Что меня отпустит на волю.

О горе мне, горе!

Девушки-служанки были добрые девушки. И пока они раздевались, чтобы лечь спать, они успели переговорить обо всем и сошлись во мнении, что это стыд и позор — держать бедного Брауни в доме против его желания. Ведь он был таким милашкой! А если иногда и проказничал, то помогал гораздо чаще. И они решили отпустить его на волю.

На другой день они спрашивали всех, кого только встречали, как им отпустить на волю малютку Брауни. Но никто не знал. Наконец они спросили старую птичницу.

— Ах ты Господи! — воскликнула птичница. — Да нет ничего проще!

И она рассказала им, что и как надо делать.

В соседнем городе была о ту пору ярмарка, и девушки отпросились туда пойти. Каждая прихватила часть денег, которые копила себе на свадьбу, и на эти деньги они купили на ярмарке лучшего зеленого линкольнского сукна.

Весь следующий день они кроили и шили и сшили для Брауни очень миленькую зеленую накидку с капюшоном. И когда наступил вечер, положили ее в кухне возле очага, а сами спрятались и подглядывали в щелку.

Вскоре появился Брауни, нахмуренный и насупленный. Было видно, что он пришел в плохом настроении.

Но стоило ему заметить возле очага зеленую накидку с капюшоном — Боже ты мой, что тут началось! Он заулыбался, заухмылялся, взял в руки накидку, чтобы рассмотреть ее хорошенько, потом надел на себя и стал глядеться в начищенную медную сковороду. А потом ну плясать и

скакать по кухне, припевая:

Накидка моя, капюшон теперь мой,

И больше не служит вам домовой!

И так, припевая и пританцовывая, он исчез из кухни, и больше его никто никогда не видел.